

ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ ХОМЕНКО
И ЛИДИИ ФЕДОРОВНЫ ХОМЕНКО

51

Хоменко А.Ф. Я родилась в 1918 г. во Владивостоке. Мой отец Федор Филиппович работал на железной дороге, был стрелочником, проводником на КВЖД. Из Владивостока, где наша семья жила с 1914 года, отец был переведен в г. Харбин /Китай/ в 1920 году, и погиб при исполнении служебных обязанностей в морозную ночь 1923 года. Мать Фекла Леонтьевна была домохозяйкой. В Харбине мы учились в русской школе вместе с детьми живших там эмигрантов. Работники КВЖД имели как советские, так и китайские паспорта.

Моя старшая сестра Лидия Федоровна в 1930 году выехала из Харбина в Томск, поступила в медицинский институт и окончила его в 1937 году. Мы с мамой и отчимом Воробьевым Петром Кузьмичом после продажи КВЖД в 1935 году вернулись на Родину и приехали в 1936 году в Томск, который Лидия Федоровна, хлопотавшая через консульство о наших визах, указала в качестве местожительства.

На пути из Харбина в Томск в 1936 году нас встречали на каждой станции с цветами, музыкой. В Харбине я закончила 8 классов, а в Томске пошла учиться на мукомольно-элеваторный рабфак, находившийся тогда на горе, в районе ул. Бакунина.

Хоменко Л.Ф. Я родилась в 1911 году в селе Митченки Черниговской обл. и в июле 1937 г., когда началась трагедия нашей семьи, устраивалась на работу после окончания ТМИ. Первым в нашей семье был арестован мой муж Сошников Яков Васильевич, военнослужащий, начальник обозно-вещевого снабжения стрелкового полка /справка о реабилитации № 4Н-01 6805/56 /. По городу шла волна арестов. Забрали сослуживцев мужа - командира полка Карпова Сергея и начальника штаба Шумилова.

Ночью в нашу квартиру пришли двое и сказали: "Одевайтесь. Для выяснения вопроса." На улице загудела отъезжающая машина,

2
а я так и не успела понять, что происходит. Между тем, когда Я.В.Сошникова арестовали, у нас конфисковали все дефицитные привозные вещи /одежда, часы "Павел Буре"/, которые увязали в скатерть, бросили в грузовую машину и тут же увезли. Впоследствии без всяких хлопот с нашей стороны конфискацию сняли с 2 велосипедов /подростковый Шуры и велосипед отчима/. К нам на квартиру пришел военный и зачитал бумагу о снятии конфискации с велосипедов, которые я затем продала в комиссионке.

Через какое-то время Я.В.Сошникова привезли на телеге под охраной 4 вооруженных солдат /видимо, подчиненных Особому отделу/ к нашему дому. Мы увидели Я.В. и выскочили на улицу, подбежали и другие люди. На телеге сидел военный без ремня и погон. Раздался голос одного из охранников: "Дайте ему ребенка". Дочь Рита подбежала и повисла у него на шее. Через 5 минут конвоир сказал: "Пора". Я помню эту картину смутно и порой сомневаюсь, присутствовала ли я тогда, но Рита запомнила все очень ясно.

Следующим арестовали отчима Воробьева Петра Кузьмича, 1894/??/ года рождения, работавшего столяром в Томском госуниверситете. Это произошло где-то в октябре-ноябре 1937 г. П.К.Воробьев работал в прошлом машинистом, перенес контузию при аварии на железной дороге, получал пенсию. После его ареста мы безуспешно пытались узнать хоть какие-то сведения о его судьбе но единственное, что нам удалось сделать, - передать ему передачу: продукты, белье, полотенце, мыло и атласное ватное одеяло. Мать, неграмотная, тихая, скромная женщина, была в страхе, молчала и плакала.

Между тем я осталась без работы. Заведующий горздравотделом, к которому я пришла на прием, заявил, что рабочих мест нет, а я - жена врага народа. Вся наша семья жила тогда в кирпичном доме в центре Томска, перед которым выстроен фирменный хлебный магазин. После ареста мужа к нам пришел начальник авиаслужбы

Томского гарнизона Макаровский, ~~в черной форме, с погонами~~, и сказал: "Нам нужна ваша квартира. Взамен мы даем вам 2-комнатную квартиру на пер. Комсомольском. Вы ни за что даже не возьметесь - мы вас перевезем."

Наши жилищные условия ухудшались, но противоречить я боялась: у меня была двухлетняя дочь, мать и сестра. Когда мы переехали на пер. Комсомольский, я отдала одну из двух наших комнат Лизе Даниловой, выброшенной на улицу, муж которой офицер Николай Данилов также был взят.

Рядом с нынешним корпусом ТИАСУРА находилось здание Томского НКВД, куда я ходила, чтобы послать передачу мужу. Окошко на первом этаже вечно было закрыто, помещение пусто, потому что ^{практически} все люди получали отказ в передаче и тут же уходили. Зимой, приблизительно в январе 1938 г., после многочисленных отказов в передачах, мне дали свидание с мужем. За столом сидел начальник Особого отдела части Егоров и кто-то еще. Я села напротив мужа, нас разделял стол, и наши ноги соприкасались. Улучив момент, Яков Васильевич всунул мне в бот написанную карандашом записку на титульном листе из книги Горького, примерно такого содержания: "Прости меня, я ни в чем не виновен ни перед тобой, ни перед государством, ни перед партией. Всю вину я взял на себя ради вас." Яков Васильевич был членом ВКП/б/.

Когда я училась в ТМИ, мы были дружны с Валей Чистяковой, женой начальника гарнизона и командира Томской дивизии Владимира Михайловича Чистякова. Благодаря этому доброму знакомству, меня лично знал и В.М.Чистяков, и присутствовавший на свидании Егоров. Свидание продлилось примерно полчаса. Все это время Егоров молчал. Вскоре пронесся слух, что его тоже арестовали.

Выглядел муж плохо - под ногтями чернота, худой, заросший. Больше известий о нем не было. Накануне получения справки о реабилитации меня вызвал сотрудник КГБ Червяков и кто-то еще, и спрашивал о маме и муже.

4
Хоменко А.Ф. Затем был арестован мой муж Алексей Алексеевич Шлык, 1910 г.р., ст. лейтенант стрелкового полка. Он был подполковником И.В. Сошникова, находился накануне присвоения капитанского звания. Со дня регистрации мы с ним прожили только полгода, в его комнатке в районе Северного городка. Свадьбы у нас не было - собирались только семьей. Замуж я вышла рано: мне было двадцать лет. Во время нашей совместной жизни муж неоднократно мне говорил: "Мне не доверяют секретных работ. Забрали ключи от сейфа, документацию." Я каждый день об этом спрашивала и слышала в ответ: "Все то же самое. И разговаривают не так, как раньше." За три дня до ареста Леня сказал: "Предлагают развестись с женой, потому что она с КВЖД, и ее родственники - враги народа. Я ответил, что не для того женился, чтобы разводиться." Спустя три дня А.А. Шлык ушел на службу и более домой не возвращался. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Не дожидаясь ничего, я покинула комнату в Северном городке, где была прописана, и стала жить с сестрой и мамой в квартире на переулке Комсомольском, откуда меня и арестовали в июне 1938 года. Меня привезли в черном фургоне в Томскую тюрьму на улице Пушкина.

В камере среднего размера находилось человек двадцать. Все помещались на нарах в два яруса. Никого из этих женщин я персонально не помню. Помню только, что все они обвинялись по ст. 58, я была среди них самая молодая. Женщины приходили с допросов избитые, плакали, расспрашивали друг друга. В основном это была интеллигенция. Передач не было. В определенное время надзиратель открывал железный засов, подвозил что-то вроде фляги, черпаком разливал баланду в миски, раздавал эти миски и хлеб, потом собирал посуду.

Мой первый допрос оказался и последним. Я видела, в каком состоянии люди приходили с допросов, слышала, как они проходили

мимо по коридору и стонали, и когда следователь Особого отдела зачитал мне готовое дело, в котором я обвинялась в шпионаже и контрреволюции, я, не читая, подписала его. Тут же пришел конвоир и увел меня в камеру. Обвинения представляли из себя нагромождение вздора, и я их не запомнила. Забылась и фамилия следователя, которого я видела только один раз.

Однажды дежурный конвоир выкликнул меня и бросил в камеру серое мамино платье. Никаких передач мне не было разрешено, и я поняла, что мама тоже попала в тюрьму.

Через 1 - 2 мес. /точно теперь не помню/ меня заочно судила тройка и приговорила к 8 годам лагерей.

Хоменко Л.Ф. Моя мать Фекла Леонтьевна была арестована летом 1938 г. В нашу квартиру зашел один человек в военной форме, спросил маму и стал заглядывать в ящики и тумбочки. Затем он увел Феклу Леонтьевну "для выяснения вопроса", уверив, что она вернется домой через 2 часа. Мама ничего с собой не взяла, и больше я ее не видела. Мама, тихий, скромный, неграмотный человек, домоседка, исчезла навсегда.

Атмосфера вокруг была ужасной. Вспоминаются наши соседи - глубокие старики, жившие в нищете. Он работал сторожем в Военторге, был арестован в 1937 г. В памяти запечатлелось, как его жена стояла у порога вся в слезах и дрожала после увода мужа.

После ареста мамы я стала ходить на работу с чемоданом, а свою четырехлетнюю дочь Риту завещала коллеге-врачу Сарре Иосифовне Гершевич, которая вызвалась взять ее в свою семью, если меня арестуют. Сарра Иосифовна жила вдвоем с сыном. Впоследствии они уехали из Томска, и я узнала, что ее уже нет в живых.

Хоменко А.Ф. Наконец, конвоир приказал мне собираться, и в закрытой, набитой людьми машине нас повезли куда-то, ничего не говоря. Далее ехали по железной дороге до станции Верхотурье Свердловской области, близ которой и находился лагерь, в вот-

6 ром я просидела все 9 лет.

Первым, что я увидела в конце своего тяжелого пути, были высокий забор, колючая проволока, огромные "царские" ворота, в которые всех нас пропустили. В концлагере ~~жк~~ были большие бараки с двухэтажными нарами. Меня поселили в одном из них. Я определилась. Барак отапливался временкой. Выдали бушлаты и стегенные бахилы с лаптями поверх. В лагере были столовая, прачечная, баня, мастерская, в которой плели лапти и шили бахилы.

Первым делом нас повели в баню, выдали какую-то одежду и вернули в барак. Потом конвоир погнал в столовую. Так началась моя лагерная жизнь.

Помимо вышеперечисленных подсобных служб в лагере был также медпункт. Но основной работой был лесоповал. Я попала на общие работы: рубила сучья, перепиливала бревна, валила деревья.

Однажды комендант зачитал разнарядку, и я услышала, что перевожусь с общих в столовую.

Поставили меня на раздачу, и я разливала баланду с затирухой по черпаку каждому. Мужчины приходили с лесоповала голодные и умоляли: "Дай добавки". Я, бывало, оглянусь, когда близко никого нет, и кому-нибудь плесну. Потом меня заметили и больше в столовую не посылали.

Я опять оказалась на лесоповале. На моих глазах люди падали в изнеможении, их доводили до ворот лагеря и бросали, не заботясь о том, что будет дальше. Заключение повально заболели куриной слепотой и шли в столовую гуськом, держась один за другого, ведомые кем-то зрячим. Куриной слепотой была поражена примерно половина всех заключенных. Длительность рабочего дня нам не была известна - работали от зари до зари.

Во время своих болезней я оставалась в зоне в конторе, что-то писала там, училась считать /учет леса/, сколько напилили, раскряжевали.

7
Комендант Гушин, высокий, худощавый, без руки, в возрасте лет 35, был настоящим зверем. Он обычно, зайдя в барак, говорил: "Собирайтесь!" и не слушал никаких жалоб. На работу он выводил, применяя силу, иногда судил легкую работу. А "легкая" работа - распилка бревен. Те, кто болел куриной слепотой, оставались все же в бараке. Лечили их амбулаторно.

Помню, как у меня был флюс, который не проходил полгода. Стomatолога в лагере, конечно, не было, мне "прописали тепло", и все эти полгода я носила на щеке повязку. На нервной почве я в течение года испытывала зуд, и тело было в коростах, которые мне смазывали чем-то, а зуд не прекращался, и коросты все равно чесались. Больницы не было, и больные умирали в бараке - на это перестали обращать внимание.

Раз в месяц Гушин выкликал людей к воротам: "Собирайся с вещами!" Куда их увозили - я не знаю.

Спала я на нарах на том, что носила, одежду клала в мешок. Из тряпок я сделала подушку, а накрывалась бушлатом.

Через каждые день-два привозили новых и новых людей. Все время шла перетасовка огромных людских масс. В лагере были и уголовные, и политические. Урок в моем возрасте было полно, а политическим было 28 - 30 лет и старше. Урки жили в отдельном бараке, а если там не помещались, то жили и в нашем. Это накладывало большое нервное напряжение на нас, потому что уголовницы крали.

После войны заключенные стали получать посылки, и имели место грабежи политических заключенных уголовными.

Ко мне очень хорошо относилась работавшая в конторе женщина по имени Клавдия Порфирьевна, фамилии не помню и за точность имени, к сожалению, не ручаюсь; в прошлом член партии. Она была освобождена раньше меня и уехала в Иркутск к сестре. А вообще, следует сказать, взаимовыручки среди заключенных не было - каждый был сам по себе.

В лагере я встретила с Юлией Семеновной Зиммель /по мужу

8
Лихачевой/, учившейся в ТГУ. Спустя 50 лет, я получила от нее письмо. С помощью знакомых Юлия Семеновна разыскала меня. Я узнала, что она много раз интересовалась моей судьбой через общих знакомых. Сейчас Юлия Семеновна живет в Москве и находится на пенсии.

Хоменко Л.Ф. Все мои близкие к лету 1938 г. были взяты, а я осталась без работы с ребенком на руках. Выручил главный врач тубдиспансера Василий Павлович Щербаков, пригласивший меня к себе работать. С тех пор я 40 лет проработала в тубдиспансере; у меня одна отметка в трудовой книжке, ныне нахожусь на пенсии.

Хоменко А.Ф. Пришел срок моего освобождения, я собрала вещи и стала ждать, когда обо мне вспомнят. В этом ожидании прошел год, прибавившийся к моему восьмилетнему сроку. Наконец, в сентябре 1947 г. меня привезли отбывать ссылку в Салехард. Когда я прибыла туда, то меня сразу вызвали в комендатуру и велели ежемесячно отмечаться.

Я устроилась в Салехарде счетоводом-калькулятором в столовую, где проработала до декабря 1948 г. /1 год 3 месяца/. В декабре 1948 г. мне переменили место ссылки и перевезли на станцию Смирново Советского района Северо-Казахстанской области. Мое существование в Салехарде было одиноким и беспросветным. На работе я старалась, и относились ко мне неплохо.

Хоменко Л.Ф. Однажды я получила от Шуры отчаянное письмо, главный смысл которого был: "Приезжай! Если не приедешь, кинусь в Обскую губу". Я выбралась к ней, и так мы впервые за много лет повидались.

Хоменко А.Ф. В Северном Казахстане я устроилась счетоводом в сельпо, проработала там с 1948г. по сентябрь 1952г. С сентября 1952 г. по сентябрь 1954 г. я работала бухгалтером райсанэпидемстанции. А потом меня вызвали в комендатуру и сказали: "Можете уезжать".

Заведующая санэпидстанцией Мария Андреевна Коркина попала в Смирново по распределению. Муж ее был преподавателем, и они всегда приглашали меня в гости на праздники. Мария Андреевна была милой, приветливой женщиной. Из ссыльных я была в добрых отношениях с москвичкой Евгенией Давыдовной Шер и ленинградкой Надеждой Владимировной Кирилловой, высланными административно за мужей. Е.Д.Шер купила глиняный ^{о.Ситкой} домик, а Н.В.Кириллова жила на квартире. Мы ходили в гости к Е.Д.Шер, жившей с сыном-школьником, который закончил в Казахстане 10 классов, поступил в Москве в Технологический институт, закончил его, получил квартиру, после чего мать уехала к сыну. Н.В.Кириллова также вернулась в Ленинград к двум дочерям. В октябре 1954г. и я, наконец, приехала в Томск.

Я поселилась у сестры Л.Ф.Хоменко и устроилась старшим бухгалтером в Управление культуры, потом получила комнату гостиничного типа в доме для артистов филармонии. В 1960г. я закончила бухгалтерскую школу, перешла из управления культуры в ТПИ, а через год перевелась в СФТИ, где работала 22года и с должности зам.главного бухгалтера в феврале 1986г. вышла на пенсию. У меня есть масса благодарностей, я получала много денежных премий, моя фотография была на Доске почета, мне присвоено звание "Ветеран труда", но в мой трудовой стаж не вошли ни лагерь, ни ссылка. Помню, когда я приехала в Томск, меня вызвали в КГБ и проинструктировали: "Будете поступать на работу, пишите - с 1937г. до 1954г. не работала". Если что, пусть спрашивают с нас! Правда, в спецчасть СФТИ, когда была рабочая необходимость, меня пускали.

Хоменко Л.Ф. В начале 50-х годов я была вызвана в милицию, в здание, где сейчас расположен психоневрологический диспансер. Разговаривал со мной некто Грехов: "У вас сестра арестована? Мать? Муж? Нам нужно, чтобы вы на нас работали." НКВД в то вре-

мя находился в помещении нынешнего онкодиспансера на проспекте Коммунистическом. После первой встречи с Греховым меня принялись вызывать туда повестками в 12 часов ночи/!/. Я вынуждена была ходить туда, и меня продолжали склонять к "сотрудничеству", взамен обещая освободить сестру Шуру. Я сопротивлялась, как могла, а после освобождения сестры сказала им: "Мне конец один! Я брошусь в Томь". И услышала в ответ: "Распишитесь, что Вы с нами не согласны работать." И я поставила свою подпись.

Однажды, встретившись со мной у кого-то в гостях, мой давний знакомый Гурий Иванович Иванов, бывший директор мукомольно-элеваторного рабфака, где училась сестра Александра, сознался в разговоре со мной, что все аресты в моей семье - его работа.

Потом он переехал в Москву, на собственной автомашине попал в катастрофу и погиб.

Сейчас я на пенсии, имею звание "Заслуженный врач РСФСР", живу с дочерью и внуком.

Доменко А.Ф. После возвращения из ссылки я 10 лет боялась разговаривать с людьми, и поэтому ни о какой новой семье не могло быть и речи. Жизнь посвятила внуку и правнуку.

Февраль 1988 г
Февраль 1988 г